http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья
УДК 141.319.8
DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-16-24

Ценностная парадигма философской антропологии: включение в новый контекст

Борис Яковлевич Мисонжников
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
b.misonzhnikov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-6120-9586

В статье речь идёт о некоторых аспектах философской антропологии, которая как учение строится не просто с учетом аксиологических принципов идентификации, но вся проникнута ценностным конструированием. Проблема природы человека, его существования в пространственном континууме обусловливает актуальность проведённого исследования. Цель работы – обобщить уже имеющийся опыт, накопленный видными философами в области философской антропологии, проанализировать использование аксиологии как теории ценностей, которая находит применение в философском учении о человеке. Для структуризации и систематизации уже имеющегося материала с целью формирования единой концепции философской антропологии применялся сравнительно-генетический метод, использовались также некоторые общенаучные методы. Для решения именно философских задач – методы диалектические, аксиоматические, эмпирического познания, представленного, в частности, дескрипцией. Автором проанализированы особенности развития аксиологии, в частности аспекты её типологического моделирования. Результат исследования позволил прийти к заключению о том, что данные в области философской антропологии, несмотря на их значительный объём, не систематизированы и не сведены в общую масштабную научную структуру, хотя и нельзя говорить о том, что знания философской антропологии существуют лишь как пролегомены к настоящей науке. В то же время в условиях стремительно меняющейся реальности рассмотрение проблем существования человека приобретает особую важность.

Ключевые слова: аксиология, философская антропология, ценности, человек, постнеклассическая рациональность

Original article

The Value Paradigm of Philosophical Anthropology: Inclusion in a New Context

Boris Ya. Misonzhnikov
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
b.misonzhnikov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6120-9586

The article deals with some aspects of philosophical anthropology, which, as a doctrine, is built not only on axiological principles of identification but also is imbued with value construction. The problem of human nature, its existence in a spatial continuum determines the relevance of the study. The purpose of the work is to summarize the existing experience accumulated by prominent philosophers in the field of philosophical anthropology, to analyze the use of axiology as a theory of values, which is used in the philosophical doctrine of man. To arrange and systematize existing material in order to form a unified concept of philosophical anthropology, the comparative genetic method was used, and some general scientific methods were also used. And for the solution of precisely philosophical problems – methods of dialectical, axiomatic, empirical knowledge, represented, in particular, by description. The author analyzes the features of the development of axiology, in particular aspects of its typological modeling. The result of the study led to the conclusion that the data in the field of philosophical anthropology, despite its considerable volume, is not systematized and not summarized in a common large-scale scientific structure, although it cannot be said that the knowledge of philosophical anthropology exists only as a prolegomena to the present one science. At the same time, in a rapidly changing reality, consideration of the problems of human existence is of particular importance.

Keywords: axiology, philosophical anthropology, values, human, post-non-classical rationality

Введение. Императивы философской антропологии хотя и обрели более или менее чёткие очертания самостоятельной отрасли науки и стали с определённой активностью развиваться в XX в., начинали формироваться в глубокой древности. Те или иные проявления основных максим учения о человеке мы находим в устном народном творчестве,

© Мисонжников Б. Я., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

в котором акцентируется внимание на сущности человека, его духовной идентичности и физических возможностях. Личностно-гуманистической рефлексией проникнуты ранние религиозные тексты, которые через сакрализацию фундаментальных общественных идеалов оказывали мощное влияние на создание жизненного мира человека, объединяли людей и порождали чувство родства и сопространственности.

Тем или иным сторонам философской антропологии посвящены труды Демокрита, Сократа, Аристотеля, Платона, мыслителей Средневековья – раннехристианских Отцов Церкви Иустина Философа, Тертуллиана, Климента Александрийского, Оригена, представителей патристики Иоанна Дамаскина, Григория Великого, Максима Исповедника, Григория Нисского, Григория Богослова, представителей схоластики Аврелия Августина и Фомы Аквинского, философов Возрождения Николая Кузанского, Мишеля Монтеня и других. Внимание к индивиду зачастую, однако, интерпретировалось методологически и концептуально в аспекте философского антропологизма, который постулировал субстанциональное единство и целостность человека, представлял его, по сути, апологетически и в сциентистски-рационалистическом истолковании. В этом, несомненно, была и положительная сторона: человек оставался предметом пристального философского внимания. В то же время нельзя не отметить, что красной нитью через все познавательные практики проходит очень разное отношение, по выражению Г. П. Выжлецова, «к ценностной проблематике, которая мешала, как заноза, не укладываясь в строгие рамки пансциентистского менталитета» [1, с. 21].

Антропологические интенции проявились в философии И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. А. Фейербаха, а также С. Кьеркегора, который, по словам С. А. Исаева, «как бы возвращается к гегелевской дефиниции человека – с той только разницей, что дух понимается как синтез души (в том числе сознания) и тела» [2, с. 9]. С впечатляющей глубиной духовный мир человека представлен через концепцию всеединства русской религиозно-идеалистической мысли конца XIX и начала XX в. в трудах Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и, конечно, В. С. Соловьёва, основа философии которого, как подчёркивает В. С. Федчин, – «интуитивно-мифологическое прочтение человеческого существования» [3, с. 17]. Через призму экзистенциального мировидения антропологические вопросы отражены в трудах Л. И. Шестова и Г. Г. Шпета. Причём концепция последнего, как не без оснований указывает В. В. Терехов, «может быть названа герменевтической феноменологией» [4, с. 88]. Это позволяет нам осознать широту понятия философской антропологии, которая не просто коррелирует с такими категориями, как герменевтика и аксиология, но и формируется благодаря применению их в когнитивных процессах.

Философская антропология создавалась сложно и порой противоречиво, в ней проявлялись также черты антропософии, как сугубо мистическое учение, порождённое теософскими практиками и обнаруживающее признаки тайноведения. Говоря о философской антропологии, мы не можем не учитывать мистический и оккультный опыт Рудольфа Штайнера, его духовные искания, даже при критическом отношении к ним. Конечно, когда мы рассматриваем проблемы онтологии человека, не всё поддаётся упрощённой и схематизированной идентификации, возникают метафизические казусы, распознавание которых возможно только на уровне интуитивного мышления, так как дискурсивное в некоторых случаях может завести в когнитивный тупик. Могут возникать и субъектно-объектные отношения не просто сложные, но требующие использования диалектически эффективного инструментария. В частности, не лишена основания следующая констатация С. С. Аванесова: «Субъект и объект антропологии в окончательном смысле неразличимы. Следовательно, антропологическая теория всегда есть антропная практика. А это значит, что “антропология” есть часть человеческой (антропной) реальности и, другими словами, предмет антропологического познания. Антрополог в конечном итоге изучает самого себя» [5, с. 59].

В то же время хотя философская антропология имеет универсальный и до некоторой степени отвлечённый характер, она не существует вне времени и вне исторического контекста. В современных условиях этот контекст, например, обусловлен развитием и внедрением IT-систем, изменениями психоэстетических и ментальных приоритетов индивида, а новый контекст требует и обновленных методологических подходов. Однако

антропология, а нас в философском аспекте интересует и социальная антропология, как считает А. Р. Рэдклифф-Браун, «оказалась под властью концепции истории, исторического объяснения и исторического метода» [6, с. 79]. Само собой разумеется, историософское начало глубоко имманентно философской антропологической парадигме, но апология историзма, избыточность исторического метода сдерживали развитие антропологии как самостоятельного учения, требовалось обновление механизмов её включения в новый контекст и адаптации к нему. Причём это невозможно было осуществить без разработки системы аксиологической идентификации.

Таким образом, при создании парадигмы философской антропологии следует учитывать – при этом оценивая их в основном критически – некоторые положения и антропоцентризма, и антропософии. Идентификация положений философской антропологии, представленных исключительно в текстовых материалах, предполагает использование герменевтических познавательных механизмов, а для выстраивания концептуально-обобщающих системных иерархических образований – аксиологических.

Методология и методы исследования. Философская антропология, располагая значительным исследовательским концептуальным потенциалом, в последние десятилетия переживает процесс системного оформления. Важно, опираясь на впечатляющий опыт мыслителей прошлого, обобщить его и придать ему, насколько это возможно в условиях современных гносеологических представлений, очертания целостного системного образования. Для структуризации и систематизации уже имеющегося материала с целью формирования единой концепции философской антропологии применялся метод сравнительно-генетический, который позволил констатировать аспекты связи современных положений с прошлой традицией, рассмотреть возникновение и развитие относительно новой дисциплины. Применялись некоторые общенаучные методы, такие как обобщение, абстрагирование, анализ и синтез, моделирование, суждение и доказательство, которые дали возможность осветить некоторые особенно важные стороны проблемы и сделать определённые выводы.

Поскольку в исследовании предполагалось решение философских задач, необходимо было прибегнуть и к соответствующим методам – диалектическому, аксиоматическому, индуктивному и дедуктивному, эмпирического познания, представленного, в частности, дескрипцией. Дополнили круг использованных методов такие, как обоснование, интерпретация, объяснение и определение, в связи с чем стало возможно формирование некоторых дефиниций. Разрабатывая методологический аппарат исследования, автор статьи придерживался мнения о том, что философия занимает особое место в системе научного знания, тем не менее она близко соотносится с социокультурной областью, что позволяет в методологическом и сугубо инструментальном отношении экстраполировать некоторые качества, свойственные социокультурному методу, на сферу философии. Это, например, принцип многомерного исследования – метод, который на строгом аксиологическом основании предполагает, по словам И. В. Рудаковой, «прежде всего, объединение методологических процедур, что придаёт методу исследования свойство эмерджентности, которое позже переносится и на сам предмет исследования. Организованное таким образом многомерное исследование позволяет лучше осмыслить нелинейные, многомерные системы» [7, с. 161].

Результаты исследования и их обсуждение. Человеческое сообщество – очень динамичное глобальное образование. Его современное состояние, характеризующееся включением в новый социальный и духовный контекст, требует соответствующего усовершенствованного механизма идентификации. В рамках философской антропологии поиск данного механизма проходит достаточно эффективно, однако изучение сообщества как сложноорганизованной и мультипарадигмальной системы таит много трудностей. По мнению А. В. Лубского, «социально-гуманитарные знания остаются фрагментизированными и разбросанными по различным научным дисциплинам. В силу такой неадекватности в научно-исследовательских практиках постоянно ускользает целостность, сложность и многомерность изучаемых социальных явлений… В результате поиска таких способов мышления и научно-исследовательских методов в социально-гуманитарных

науках произошёл постнеклассический поворот, актуализировавший в методологическом сознании проблематику, связанную с изучением постнеклассики и постнеклассической рациональности» [8, с. 21]. Между тем и постнеклассическая эпистемология как инструмент рационального познания не обеспечивает целостности формирования социальной модели. Учёным ещё предстоит разработать модель воссоздания картины мира в свете философской антропологии с введением в действие законов аксиологии на основе герменевтических заключений.

Диалектическая роль аксиологии в становлении философской антропологии примечательна уже тем, что аксиология, выполняя вспомогательную методологическую функцию, то есть обеспечивая другую научную систему, в то же время сама является самостоятельным философским учением, прежде всего, как общая теория ценностей – идейных и материальных. Именно аксиология выполняет негэнтропийную функцию, благодаря которой возможно упорядочить любую систему, в том числе и сложнейшую когнитивную, какой является философская антропология. Воплощённая в великом многообразии вербальных текстов, антропология как сфера знания не может существовать без механизма упорядочивания, выстраивания по принципам классификации с учётом соответствующих критериев – рационально-логического, семантического, идеологического, морального, эстетического и других. По справедливому утверждению И. В. Ерофеевой, «ценности упорядочивают действительность, вносят в её осмысление оценочный подтекст. Ценность как бы стягивает всё духовное к разуму, чувствам и воле человека» [9, с. 34].

В этом отношении есть очень показательный пример. Ф. Ницше не без оснований считается одним из тех знаменитых философов, которые способствовали развитию философской антропологии. С наибольшей полнотой это выразилось в его сочинении «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». Это произведение – творческий порыв, и трудно заподозрить автора в неискренности и предвзятости. Сестра философа Э. Фёрстер-Ницше писала, что это произведение – «история его глубочайших переживаний, его дружеских устремлений, его идеалов, его восторгов, его самых горьких разочарований и страданий, но над всем этим возрождающе возвышается образ его величайшей надежды, его устремлённых вдаль целей» [10, с. 479].

Пафосное заявление, конечно, имеет и своё научно-познавательное значение, но вряд ли по отношению к философской антропологии в строгом методологическом смысле. П. С. Гуревич в связи с этим приводит мнение известного философа, которое, судя по всему, разделяет: «Буберу принадлежит весьма оригинальная трактовка антропологической темы внутри философии жизни, особенно у Ф. Ницше… Ничем не оправданы социологические и этнологические догадки Ницше по поводу первобытной истории человечества. Неверны психологические и исторические воззрения немецкого философа на волю к власти. Всё это означает, что никакого положительного обоснования философской антропологии Ницше не дал. Но он тем не менее обеспечил неслыханный стимул к разработке философских проблем человека, вообще возвёл проблематику человеческой жизни в ранг самостоятельного философского предмета, чего не делал никто из прежних философов» [11, с. 24]. В самом деле, тексты Ницше, подвергнутые аксиологическому анализу, в рационально-логическом и семантическом отношении утрачивают многие ценные для научной концептуализации качества. Так, в классическую философскую антропологию не вписываются определённые ценности философа, которые он наделял слишком самобытной семантикой. Р. Ю. Данилевский замечает, что в произведении «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» «принципу альтруизма противопоставлен принцип эгоизма как основы нравственности» [12, с. 5]. По сути, этот вывод авторитетного русского литературоведа и философа выводит достижения немецкого философа за пределы гуманитарной системы оценок.

Примечательно, что аксиологическое действие диалектически очень близко коррелирует с герменевтическим: после опознания и установления идентичности текстового материала – его семантики и формы репрезентации – происходит акт оценивания с учётом соответствующих критериев, «ибо оценочная интерпретация направлена не на то, что чувствовали люди, исторически причастные к созданию оцениваемого объекта, но на те ценности, которые мы можем или даже должны в этом объекте обна-

ружить» [13, с. 55]. Подлежащие отождествлению объекты В. А. Подорога определяет как «герменевтические», потому что они «не могут быть упрощены», и «в них всегда есть некий остаток, который требует герменевтического понимания» [14, с. 219].

В связи с исключительно высокой онтологической и гносеологической многоаспектностью понятия философской антропологии, а также со сложностью идентификации отдельных её проявлений – семантических, психоэстетических, культурологических и других – требуется конкретный терминологический и категориально-понятийный аппарат, отвечающий императивам соответствующей аксиосферы. Аксиология как общий раздел философии не всегда может быть применима к решению задачи по отождествлению той или иной чётко выделенной стороны в области философской антропологии. Иногда может быть приемлема та или иная специфическая аксиологическая модель. Причём следует учитывать вероятные ценностные модификации, о которых говорит Й. Э. Хайде: может произойти «изменение ценности», она «может возрасти», и вследствие этого «не ценность объекта изменится – у объекта будет уже другая ценность» [15, с. 43]. Это надо учитывать при решении проблемы типологического моделирования аксиологии вообще или конкретных ее подсистем, чтобы выделить соответствующие самостоятельные члены деления, применение которых подходит именно для конкретных ситуаций.

В соответствии с мереологическими принципами деления можно констатировать наличие типов аксиологии по формальному основанию, без учёта качественных и иерархических доминант, когда объектом оценивания становятся близкие по своему статусу предметы. В этом случае деление осуществляется как бы по горизонтали, и из общего системного объекта – в данном случае общей аксиологии – выделяются более специальные и по своему статусу практически равнозначные члены. В области научного знания применяются разные категории аксиологии. Одна из фундаментальных и системообразующих – это классическая категория онтологической аксиологии, представленная трудами Г. Лотце, Г. Риккерта, М. Хайдеггера, М. Шелера, Н. Гартмана, Н. О. Лосского. Г. П. Выжлецов говорит о том, что именно «онтологическая аксиология выводит специфику ценностей из самого бытия» [16, с. 276]. Аспекты политической аксиологии разрабатывает В. Н. Шилов [17]. В. Г. Лукьянов обосновывает понятие религиозной аксиологии [18]. Активно применяется методология лингвистической аксиологии, в которой используются, по словам Е. Ф. Серебренниковой, «принципы аксиологического лингвистического анализа» [19, с. 43]. Перечень может быть дополнен педагогической, художественной аксиологией. Данные типы аксиологии могут использоваться в процессе отождествления тех или иных конкретных сторон философской антропологии.

Таксономическая парадигма деления общего объекта даёт возможность выделения членов деления – аксиологических, с учётом качественно-содержательных критериев, поскольку ценности, как замечал Н. О. Лосский, «не равнозначны: они объективно и общезначимо занимают различные ранги в отношении друг к другу по степени превосходства одних ценностей над другими» [20, с. 540]. Даже когда аксиология ещё не существовала как самостоятельная наука о ценностях, сами ценности уже систематизировались и иерархизировались в зависимости от их сущностных признаков. Так, И. Кант разводит ценность личности и ценность «неразумного существа»: последняя ценность является «*только* относительной» [21, с. 245]. Н. Луман выделяет «бессчётное множество ценностей» и в них – «основополагающие ценности», к которым относит «такие традиционные понятия, как свобода, равенство, справедливость, мир, безопасность, достоинство, благосостояние, солидарность» [22, с. 242]. Таким образом, из общей категории ценности выделяются «основополагающие», стоящие довольно высоко в аксиологической иерархии. П. А. Флоренский рассматривает ценности «условные» и «безусловные», а также «духовные» [23, с. 282, 558].

Философская антропология как учение строится не просто с учётом аксиологических принципов идентификации, она вся проникнута ценностным конструированием, зиждется на системе бесконечно множащихся паттернов, обладающих самодостаточным и разноаспектным ценностным потенциалом. Носителями ценностей становятся сущности. Л. А. Чухина отмечает, что «(сюда Шелер относит и ценности, совокупность

которых представляет собой сферу чистых сущностей) и сущностных отношений, таких, например, как иерархия ценностей, получаются положения, имеющие априорную значимость и для соответствующей области индуктивного опыта» [24, с. 20]. М. Шелер, который, будучи одним из основателей философской антропологии, занимается теорией ценностей, прежде всего, в направлении типологического моделирования, выстраивает, по мнению Г. П. Выжлецова, «ценностную иерархию», «главным в которой как раз и является признание иерархичности ценностей их сущностным признаком, без которого они потеряли бы свой смысл» [25, с. 71].

Именно в рамках своей ценностной парадигмы М. Шелер формулирует основные максимы философской антропологии, обращаясь к таким сложным и многоплановым категориям, как ресентимент, причём посвящая этому понятию довольно пространное сочинение. И здесь М. Шелер применяет ценностные критерии, исходя, что очень важно, из нравственных императивов. Он утверждает, что ресентимент – «один из источников разрушения вечного порядка в человеческом сознании», и, опираясь на «понимание некоторых индивидуальных и исторических моральных оценочных суждений», утверждает: «Само собой разумеется, что настоящие, истинные нравственные оценочные суждения никогда не могут быть основаны на ресентименте, а могут только ложные ценностные суждения, основанные на ценностных обманах и соответствующих им направлениях действия и жизни. Ницше полагает, что настоящая мораль основана на ресентименте, но это не настоящая мораль. Настоящая покоится на вечной иерархии ценностей и соответствующих ей явных преференциальных законах, столь же объективных и столь же строго “умопостигаемых”, как истины математики» [26, с. 63].

Научное наследие М. Шелера велико и неоднозначно. Объектом его исследований стали очень многие вопросы онтологии гуманитарного направления – от психологии до этики, от космологии до морали. С позиции современной постнеклассической рациональности некоторые его концепции могут вызвать неприятие или непонимание – их интерпретация, впрочем, является задачей герменевтики, – могут противоречить императивам полиморфизма и мультифинальности уже ставшей привычной современной рациональности. Но М. Шелер, обращаясь к человеку, сделал попытку «текстуализации» и «прочтения» его, выделения и построения личностных ценностей по принципу иерархии. Видимо, прав С. А. Лохов, когда рассуждает о том, что «такой подход к рассмотрению проекта Шелера представляется весьма продуктивным, так как репрезентирует философскую антропологию как динамичную, методологическую конструкцию, совмещающую научные и ненаучные подходы в рамках традиционной дилеммы сциентизм – антисциентизм» [27, с. 203].

Таким образом, из философской антропологии не только не выпадает категория морали, но она становится едва ли не основной, причём внимательно рассматриваются её качественные проявления, которые идентифицируются по аксиологическим принципам. Это имеет отношение к философскому творчеству также и других учёных, которые внесли значительный вклад в становление философской антропологии, – Х. Плеснера, А. Гелена, Э. Кассирера, Г. Шмитца и других. Они смогли создать тот общий концептуальный потенциал, который направлен на постижение природы человека, его сути и возможностей.

Заключение. В конце XIX в. и в течение всего XX в. философская мысль обращается к человеку не только как к субъекту действия, но и как к существу, наделенному интеллектом, обладающему моральными свойствами. Возникает интерес к категории телесности как результату онтогенеза. Феноменологии тела посвящены, в частности, труды Г. Шмитца. В современной философской антропологии и семиотике эта тема находит глубокое осмысление и многосторонне интерпретируется. А. А. Романов пишет: «Итак, краткая характеристика проблем семиотического описания тела в научных парадигмах показывает, что на современном этапе развития психологии, лингвопсихологии и психолингвистики необходимо: а) в полном объёме описать процесс перехода от знаково-символической роли телесности в выражении проблем бессознательного к пониманию их знаково-символической природы в самосознании человека и б) выявить роль телесных знаков человека в межличностной коммуникации и взаимопознании людей как специфической визуально-коммуникативной семиотической системы» [28, с. 59]. Развитие философской антропологии

способствовало возрастанию внимания к проблеме ценностей, их идентификации, выстраиванию по принципам иерархии. Это привело к возникновению науки о ценностях – аксиологии.

Данные в области философской антропологии, несмотря на их значительный объём, не систематизированы и не сведены в общую масштабную научную структуру, хотя и нельзя говорить о том, что знания философской антропологии существуют лишь как пролегомены к настоящей науке. Есть достижения, которые можно признать выдающимися. Но есть и опасность того, что многое окажется умозрительным, слишком отвлечённым и беспредметным. Нельзя не признать справедливости высказывания Ш. Клюка: «Для Шелера, Плеснера и Гелена человек как открытое миру существо как раз ориентирован на будущее. Он принимает во внимание неизвестное, отдалённое, он надеется, он боится, он предвидит и т. д. Однако, по словам Г. Шмитца, при этом существует опасность того, что при внимании ко всем этим фундаментальным вещам, которые лишь от случая к случаю могут иметь место, можно пропустить реальную жизнь» [29, с. 398].

При стремительном развитии общества, смене политических, социальных, культурологических и ментальных парадигм, утверждении постнеклассических типов научной рациональности необходимо иметь интеллектуальный и духовный фундамент, обеспеченный системой человеческих ценностей, который бы позволил сохранить человечеству свою идентичность при глобальных потрясениях или смене когнитивных практик, при включении в новый гуманитарный контекст.

Список литературы

1. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 152 с.
2. Исаев С. А. «Диалектическая лирика» С. Кьеркегора» // Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Республика, 1993. С. 5–12.
3. Федчин В. С. Антропология русских философов религиозно-идеалистической ориентации рубежа XIX–XX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 15–21.
4. Терехов В. В. Герменевтическая логика Г. Г. Шпета // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 87–92.
5. Аванесов С. С. К онтологии человека // Идеи и идеалы. 2014. № 4. С. 51–61.
6. Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 416 с.
7. Рудакова И. В. Социокультурный подход как методологический принцип // Грамота. 2017. № 11. С. 159–162.
8. Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 21–30.
9. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГГПУ, 2009. 297 с.
10. Förster-Nietzsche E. Die Entstehung von “Also sprach Zarathustra” // Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: Druck und Verlag von C. G. Naumann, 1903. S. 475–488.
11. Гуревич П. С. Философская антропология Мартина Бубера // Философская антропология. 2021. Т. 7, № 2. С. 6–33.
12. Данилевский Р. Ю. Писательство как проповедь (Л. Толстой и Ф. Ницше) // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб.: Фантомы, 1993. С. 3–20.
13. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Н. В. Борисов. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
14. Подорога В. А. Апология политического. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
15. Heyde J. E. Wert. Eine philosophische Grundlegung. Erfurt: Verlag Kurt Stenger, 1926. 210 s.
16. Выжлецов Г. П. Онтологическая аксиология: истоки и современность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 275–281.
17. Шилов В. Н. Политическая аксиология: монография. Белгород: Изд-во БелгГУ, 2005. 113 с.
18. Лукьянов В. Г. Русская религиозная аксиология. СПб.: Алетейя, 2015. С. 224.
19. Серебренникова Е. Ф. Семиометрия как способ аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 41–48.
20. Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.

21. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1978. 414 s.
22. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. 402 s.
23. Флоренский П. А., священник. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 800 с.
24. Чухина Л. А. Философский фидеизм гносеологической концепции Макса Шелера // Критика современного философского фидеизма / отв. ред. В. А. Штейнберг. Рига: Зинатне, 1975. С. 13–65.
25. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 152 с.
26. Scheler M. Gesammelte Werke. Bd 3. Vom Umsturz der Werte. Abhandlungen u. Aufsätze. 4. durchges. Aufl. Bern: A. Francke AG, 1955. 450 S.
27. Лохов С. А. М. Шелер о методе философской антропологии // Вестник Рссийского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2002. № 3. С. 197–204.
28. Романов А. А. Эгональная семантика визуального дискурса габитуса // Соматикон: аспекты невербальной семиотики / А. А.Романов, Ю. А. Сорокин. М.: ИЯ РАН: ТвГУ, 2004. С. 54–63.
29. Kluck S. Neue Phänomenologie und Philosophische Anthropologie // Synthesis philosophica. 2018. No. 2. S. 383–401.

Информация об авторе

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 26; e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-6120-9586.

Для цитирования

Мисонжников Б. Я. Ценностная парадигма философской антропологии: включение в новый контекст // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 16–24. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-16-24.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

References

1. Vyzhletsov, G. P. Axiology of culture. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University, 1996. (In Rus.)
2. Isaev, S. A. “Dialectical Lyrics” by S. Kierkegaard. Kierkegaard S. Fear and Trembling / transl. from Dannish by N. V. Isaeva, S. A. Isaeva. M: Respublika, 1993: 5–12. (In Rus.)
3. Fedchin, V. S. Anthropology of Russian philosophers of religious and idealistic orientation at the turn of the 19th–20th centuries. Bulletin of Irkutsk State Tech. University, no. 1, pp. 15–21, 2007. (In Rus.)
4. Terekhov, V. V. Hermeneutic logic of G. G. Shpet. Scientific Notes of the Oryol State University, no. 1, pp. 87–92, 2011. (In Rus.)
5. Avanesov, S. S. On the ontology of man. Ideas and ideals, no. 4, pp. 51–61, 2014. (In Rus.)
6. Radcliffe-Brown, A. R. Method in social anthropology / transl. from English by V. Nikolaev. M: “KANON-press-C”, “Kuchkovo field”, 2001. (In Rus.)
7. Rudakova, I. V. Sociocultural approach as a methodological principle. Gramota, no. 11, pp. 159–162, 2017. (In Rus.)
8. Lubsky, A. V. Post-non-classical rationality and neo-classical model of social and humanitarian research. Scientific Thought of the Caucasus, no. 1, pp. 21–30, 2015. (In Rus.)
9. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (value reflection of journalism at the beginning of the 21st century). Chita: Transbaikal State Hum. Ped. Un-ty, 2009. (In Rus.)
10. Förster-Nietzsche, E. Die Entstehung von “Also sprach Zarathustra”. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: Druck und Verlag von C. G. Naumann, 1903: 475–488. (In Germ.)
11. Gurevich, P. S. Philosophical anthropology of Martin Buber. Philosophical anthropology, no. 2, pp. 6–33, 2021. (In Rus.)
12. Danilevsky, R. Yu. Writing as a sermon (L. Tolstoy and F. Nietzsche). Humanitarian sciences: from the experience of theoretical interpretation / ed. by Ya. Misonzhnikov. St. Petersburg: Phantoms, 1993: 3–20. (In Rus.)
13. Betty, E. Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit / translation from German N. V. Borisov. M: “Kanon +ROOI “Rehabilitation”, 2011. (In Rus.)
14. Podoroga, V. A. Apology for the political. M.: Ed. House of the State un-ty – Higher School of Economics, 2010. (In Rus.)
15. Heyde, J. E. Wert. Eine philosophische Grundlegung. Erfurt: Verlag Kurt Stenger, 1926. (In Germ.)

16. Vyzhletsov, G. P. Ontological axiology: origins and modernity. Vestnik of SPbSU. Philosophy and Conflict studies, vol. 33, issue 3, pp. 275–281, 2017. (In Rus.)
17. Shilov, V. N. Political axiology: monograph. Belgorod: Belgorod Publishing House of State University, 2005. (In Rus.)
18. Lukyanov, V. G. Russian religious axiology. St. Petersburg: Aleteyya, 2015. (In Rus.)
19. Serebrennikova, E. F. Semiometry as a method of axiological analysis. Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: monograph / ed. by L. G. Vikulova. M: TEZAURUS, 2011. (In Rus.)
20. Lossky, N. O. Favorites. M.: Pravda Publishing House, 1991. (In Rus.)
21. Kant, I. Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1978. (In Germ.)
22. Luhmann, N. Die Moral der Gesellschaft. 3. Aufl. Frankfurt a. M: Suhrkamp Verlag, 2012. (In Germ.)
23. Florensky, P. A., priest. Op. in 4 volumes. V. 1. M: Thought, 1994. (In Rus.)
24. Chukhina, L. A. Philosophical fideism of the epistemological concept of Max Scheler. Criticism of modern philosophical fideism / ed. by V. A. Steinberg. Riga: Zinatne Publishing House, 1975. (In Rus.)
25. Vyzhletsov, G. P. Axiology of culture. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg university 1996. (In Rus.)
26.Scheler, M. Gesammelte Werke. Bd 3. Vom Umsturz der Werte. Abhandlungen u. Aufsätze. 4. durchges. Aufl. Bern: A. Francke AG. 1955. (In Germ.)
27. Lokhov, S. A. M. Sheler on the method of philosophical anthropology. Vestn. RUDN. Ser. Philosophy, no. 3, pp. 197–204, 2020. (In Rus.)
28. Romanov, A. A. Egonal semantics of the visual discourse of habitus. Romanov A. A., Sorokin Yu. A., Somaticon: aspects of non-verbal semiotics. M: IYA RAN, TVGU, 2004: 54–63. (In Rus.)
29. Kluck, S. Neue Phänomenologie und Philosophische Anthropologie. Synthesis philosophica, no. 2, pp. 383–401, 2018. (In Germ.)

Information about author

Misonzhnikov Boris Ya., Doctor of Philology, Professor; St. Petersburg State University; Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications”; 26 1st line V. O, St. Petersburg, 199004, Russia; e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-6120-9586.

For citation

Misonzhnikov B. Ya. The Value Paradigm of Philosophical Anthropology: Inclusion in a New Context // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 16–24. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-16-24.

Received: April 11, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 16, 2022.